

Глава 4

Служба по ведомству водных и шоссейных путей.

Война с Японией и революция в 1905 году /1901–1906 г./

С большим смущением и предубеждением даже я вступил на службу в чужое ведомство. Необходимость расстаться с людьми, среди которых было уже много моих истинных друзей, а также вообще лиц, которых я уважал и ценил, как выдающихся честных работников, принудительное, так сказать, не по моей воле устранение меня от дел, которыми я уже начал живо интересоваться и обучение новому совершенно чуждому мне делу — все это не могло не действовать угнетающе вообще на мою психику.

Обстановка в новом для меня ведомстве, действительно, была такова, что не скоро удалось мне прийти в относительно нормальное состояние душевного равновесия. С течением времени мне пришлось и здесь увлечься полной живой интереса работой и завязать связи с несколькими весьма почтенными и достойными деятелями, но, должен сказать, что мысль о том, чтобы вернуться Л. 172. к крестьянскому делу никогда меня не покидала в течении пятилетней моей службы в чужом ведомстве. Управление водных и шоссейных дорог и торговых портов, как тогда оно называлось, во многом еще носило следы старых дореформенных учреждений. Б.Е. Ивановичий был приглашен князем М.И. Хилковым — тогдашним министром путей сообщения на должность начальника названного Управления в целях, вероятно, освежения его. Б.Е. И-ий был первый глава этого учреждения без инженерного образования. Он пользовался большой любовью и доверием со стороны министра и сам был привязан к нему лично, как к оригинальному и безусловно честному человеку, весьма горячо. Я помню такие резолюции кн. Хилкова на докладах по управлению водных путей, как например: «не понимаю, не согласен» и т. п. Чиновники, особенно инженеры, вышучивали за это министра, не понимая, что в этом проявлялось хорошее здоровое отсутствие формализма с его стороны и полное доверие к своему сотруднику, без чего никакая работа не может быть интересной и производительной.

Лично я по службе был у кн. Хилкова только один раз; осталось впечатление чего-то очень теплого, ласкового. Характерна одна подробность: князь

подписал среди принесенных мною бумаг одно личное письмо Витте, как Министру, а в городе, когда я вернулся, было уже известно об увольнении Витте; так неожиданно произошло это даже для членов Правительства.

Назначение «штатского», не принадлежавшего к касте инженеров путей сообщения человека на должность их руководителя не могло, конечно, не породить известного озлобления, особенно в той среде, которая имела основания бояться «освежения».

Личный состав и без того был разделен в Управлении водных путей той перегородкой, которая отделяет привилегированную касту специалистов-инженеров от обыкновенных смертных — просто чиновников; в первое же время появления во главе путейского дела чиновника Земского Отдела еще более обостряло изолированность чиновков, в особенности тех, которые появились в ведомстве вслед за Иваницким; на них смотрели, как на «лезущих в управление по протекции», в силу личного знакомства их с новым начальником-юристом. К числу таких подозрительных типов Л. 173. принадлежал, конечно, и я, несмотря на то, что никаких личных, кроме далеких служебных, отношений у меня в то время с И. не было. Поэтому, в новой для меня среде, я встречал большей частью вежливый, но достаточно холодный прием.

Сближение с чиновниками, т. е. с массой их, как это произошло у меня в первые же дни службы в Земском отделе, не могло иметь места, так как здесь преобладал какой-то серый глухопровинциальный тип того служащего, которого принято называть «чинушом». Общего интереса к делу у большинства не было, потому что дело это было для них, так сказать, чужое, главным образом, техническое, потому что до высших должностей, за малым исключением, дослужиться здесь не инженеру было очень трудно; на службу масса смотрела только, как на источник заработка, доступный людям с небольшими сравнительно способностями и знаниями; это было нечто вроде положения почтово-телеграфских чиновников, мелких полицейских и т. п. Все интересы и заботы сосредотачивались на личной семейной жизни; большинство имело, как это обычно бывает в мелкой буржуазной среде, много детей; жило мыслью о их кормлении, одевании, воспитании. Поэтому здесь возможны были, так в начале меня изумившие, но столь естественные для злбодневных забот о куске хлеба, прошения о пособии, как, например: «на погребение тяжело больного отца», на чем Б.Е. Иваницкий положил довольно злую, но вполне естественную резолюцию: «на погребение живых людей никогда пособий выдавать не буду», или в таком роде: «чувствуя крайнюю потребность вступить в первый законный брак, прошу... и т. д.» Впоследствии, ближе знакомясь с отдельными представителями этого серого чиновничества, я открыл и во многих из них добрые сердца и природный ум, и начитанность, и понимание искусства. Особенно я полюбил старика архивариуса Р-а, по образованию юриста. Он почти всегда сидел у своего архива на лестнице, на площадке, мимо которой приходилось проходить многим служащим, преимущественно юрисконсультской части; это давало ему возможность с каждым на ходу перекинуться несколькими словами, поделиться текущими политически-

ми новостями. В архив он заходил только в тех редких случаях, когда требовалось выдать кому-либо какую-нибудь справку или старое дело, либо принять дела, подлежащие уже сдаче в архив. Я сначала изумлялся, почему он, человек с высшим юридическим образованием, удовлетворяется столь скромным положением, но потом стал понимать его спокойную философию: «по какой должности мог бы я», говорил он мне, «дослужиться до такой пенсии, как жалование архивариуса? Теперь я обеспечен пожизненно, читаю, что хочу, беседую с интересными людьми и стою вне всяких чиновничьих дрызг, волнений, обиженных честолюбий и т. п.» Строгий моралист скажет: «кому нужно, какая польза от такого прозябающего человека обществу». Я же всегда буду защищать таких скромных Р-ых ибо, и ничего не делая, они бессознательно полезны: никто с них никогда не видел зла, а это уже само по себе возвышает нравственно людей, но самое главное, что многие в минутных своих горестях и печалях находят большое утешение от беседы с подобными простейшими философами, чем-то в роде монахов-отшельников в мире; у Р. Не было семьи, он был одинок и всю благожелательность к людям изливал на лестнице, подбодряя и утешая, когда надо чин-ков, волнующихся по поводу и мелких своих служебных неудач, и семейных неурядиц. Я иногда шутя говорил Р-у, что буду проситься на его место, так мол мне хочется покоя; он смеялся и просил подождать его смерти.

Даже некоторые старшие чины на вице-директорском уже положении, поражали меня своей внешней серостью по сравнению с составом Земского отдела. Вспоминаю, например, очень добродушного, но с хитрецей, одного заведующего отделом /так назывались в Управлении вице-директора или помощники начальника Управления/ А-ева. В различных комиссиях, в которых собирались и представители других ведомств, и водные судопромышленники, он, нарушая всякую торжественность, принятую в правительственных совещаниях, называл присутствующих «братцы» — «Ну, как же, братцы, не пора ли нам уже начать совещаться?», примерно таким приветствием открывалось им заседание. Зависимость чиновников-юристов, каким был А-ев, от различных мало понятных им в деле, технических подробностей и необходимость полагаться на экспертизу техников-специалистов, создавало иногда также куоезы, которые давали повод инженерному миру несколько свысока относиться Л. 175. к чиновнику. Однажды, например, при обсуждении в большой комиссии судопромышленников правил о перевозке огнеопасных грузов, председательствовавший в комиссии А-ев особенно убеждал присутствующих признать крайне опасным какой-то груз, название которого я уже забыл. Свои убеждения А-в основывал, конечно, на сведениях специалиста — морского техника, который, в виду редкости груза, дал его даже такое описание: «стоит главным образом из шерсти, похож на мыло». «Братцы», убежденным голосом просил А-в, «ну уж этот-то груз, несомненно, надо отнести в первый разряд по огнеопасности: иначе уж никак нельзя». К удивлению А-ва никаких возражений из среды «братцев» не последовало, хотя ранее они старались по поводу всякого груза смягчить строгость правил. А-в уже

довольно улыбнулся, когда вдруг какой-то особо любопытный член комиссии спросил: «да что же это такое за груз; я такого названия и не слышал никогда». А-в быстро обернулся в сторону нашего моряка специалиста, но того не оказалось на месте; А-в тер некоторое время себе лоб, потом благодушно развел руками и заявил: «черт его знает, братцы, что это за штука такая». Общий смех и перешли к обсуждению следующих статей.

Постепенно нашлось несколько людей, юристов, выделявшихся из общей серой массы, с которыми я сошелся близко. Несколько месяцев я работал в скучнейшем в общем эксплуатационном отделе Управления. Мне повезло, однако, здесь в отношении работы, так как я получил личное поручение Б.Е. Иваницкого составить справку об иностранных законодательствах по водным путям и, т.н., водным товариществам, получившим блестящее развитие в Германии. Управление имело богатую библиотеку, в которой я имел все необходимые источники и обработал весьма интересный в юридическом отношении материал. В названном отделе моим ближайшим начальником явился правовед Н.А. Пантелеев — сын Иркутского Генерал-губернатора. Очень живой, веселый, остроумный и прекрасный товарищ — он представлял из себя как бы оазис в серой среде окружавшего его чиновничества; почему он избрал себе такой род службы — он, кажется, сам себе не давал ясного отчета; помню только, Л. 176. что он был тогда либерального образа мыслей и считал службу в технических ведомствах более приятной, чем в политических, к каковым он относил, например, Земский Отдел. Мы подружились быстро, но вскоер же и расстались, хотя личные отношения не порвались, и я бывал в его семье, а также часто довольно встречался и на нейтральной почве. Вопреки своим взглядам, он не выдержал скуки эксплуатационного отдела и перевелся в одну особую канцелярию Министерства внутренних дел, которая также неожиданно была упразднена, как и создана; это была канцелярия по дворянским делам. Любя острить, П., представляясь директору канцелярии Мордвинову и смотря на портреты Екатерины II и Александра III, висевшие на стенах директорского кабинета, выразил изумление, почему не помещен портрет издателя «Гражданина» князя Мещерского, который является столь ярким защитником дворянских привилегий. После этой фразы карьера П. в дворянской канцелярии была кончена, и он перевелся в тот самый Земский Отдел, из которого я попал к нему в помощники.

Комичная история вышла с моим визитом к П. в Дворянскую Канцелярию в первые же дни его службы там. Канцелярия только что была сформирована, размещалась в нескольких разбросанных комнатах рядом с Департаментом Общих Дел; курьеры не знали кто где помещается. Я спросил П., мне предложили подождать, пока ему доложат обо мне и, как мне показалось, указали на ближайшую дверь, где, я думал, находится общая приемная; я вошел в большую очень комнату с рядом стульев вдоль стены; в комнате за большим столом сидел только один пожилой человек. Считая его за такого же ожидающего приема, как и я, не обратил поэтому на него никакого внимания, я стал прогуливаться вдоль одной стены комнаты и рассматривал висящие на ней портреты. Вдруг я заметил, приближаясь к

столу, что сидевший за ним господин уже не сидит, а как-то полупривстал и пристально испытующе смотрит на меня; затем раздался его взволнованно-тихий голос: «но, что же вам надо здесь?!» Я объяснил, кого я поджидаю, на что мне было разъяснено, что это кабинет директора канцелярии, а не приемная; я извинился и вышел. Когда я сидел в отделении П., к нему зашел М-в сказать, что он уезжает в какую-то комиссию: «если вашему гостю почему-либо приятнее побыть с вами в моем кабинете», добавил он, улыбаясь, «то милости просим». П. Очень смеялся, напомнив, что теперь все сановники напуганы террористическими актами, почему мое странное появление в кабинете директора могло, естественно, навести его в начале на самые мрачные предположения.

Второй юрист, с которым я познакомился, а затем несколько лет под руководством которого интересно проработал, был тогдашний помощник управляющего юридической частью управления, впоследствии директор канцелярии министра путей сообщения и сенатор (Н.И.) Туган-Барановский. Эта часть управления, для юристов наиболее интересная, главным образом, привлекала желающих работать и интересующихся работой чиновников; в ней были сосредоточены юрисконсультские дела и разработка наиболее сложных законопроектов. Служебное преимущество этой части заключалось в праве ее чиновников зачисляться в адвокатуру, причем лица, отказывавшиеся от прав государственной службы /пенсии и производства в чины/ имели право быть не только помощниками, но и присяжными поверенными; служба в части засчитывалась в пятилетний стаж для получения звания присяжного поверенного.

О Т[уган]-Б[арановск]ом до моего знакомства с ним я слышал от Б.Е. Иваницкого, как о человеке на пути к влиянию, способном; мне ставилось в некоторый упрек, что я его игнорирую. Игнорирование же мое выразалось только в том, что я избегал с ним встречаться и здороваться, так как он производил на меня впечатление важничающего, как-то особенно небрежно подающего руку молодым чиновникам. Замечание И. при моем упрямстве еще более оттолкнуло меня от мысли искать сближения с Т. Однако, случай или судьба здесь, как часто со мной бывало, быстро привели к противоположному, т. е. к продолжительной и наиболее интересной, за время службы моей в чужом ведомстве, связи именно с Т.

В каком-то большом совещании, рассматривавшем предположения Т., мне было поручено составить журнал совещания; я и юридически, и по стилю очень удачно формулировал возражения Т. Л. 178. его противникам и конечные выводы совещания. Когда я принес Т. Проект журнала, он его бегло просмотрел, потом, видимо, с интересом перечел внимательно еще раз и спросил: «кто это писал?» Узнав, что автор — я, он немедленно предложил мне работать вместе; я, конечно, согласился и был переведен из скучного для меня эксплуатационного отдела в юридическую часть; кстати, должен сказать, что вскоре я был назначен чиновником особых поручений VII, а потом VI класса, оставаясь, фактически, на работе в названной части, а впоследствии я почти до конца моей службы мирного времени занимал должность чиновника особых поручений разных классов, хотя фактиче-

ски нес, конечно, различные штатные обязанности: начальника отделения и вице-директора.

Т-Б. был человек незаурядных способностей, хороший образованный юрист, но большой неврастеник, как преобладающее большинство тех, кого мне приходилось видеть своим начальством. На этой почве у него довольно часты были столкновения, более юмористического, чем серьезного характер с Иваницким. В манере держать себя с подчиненными, не умышленной впрочем, но скорее по рассеянности, Т. Был неприятен какой-то своей небрежностью, особенно в способе подавать руку. Я ему об этом сказал в первые же дни нашей совместной работы; уходя со службы, он всем сослуживцам в день нашего разговора кланялся очень почтительно, почти в пояс, а затем, смеясь, спросил меня, доволен ли я им теперь; я ему заявил, что подчеркнутая вежливость также обидна, как и небрежность. Такие объяснения не портили наших хороших служебных отношений. Т. был, кроме того, очень честолюбив и сильно горячился, когда, по его мнению, его недостаточно ценили или долго о нем забывали; впрочем, как я уже говорил, у него были для хорошей карьеры все данные. Один остряк говорил мне про Т., что если он в утренней газете прочтет о назначении какого-нибудь епископа архиепископом, то сейчас же вспоминает о медленном своем, по его мнению, продвижению по службе и нервничает после этого целый день.

В юридической части качественно состав служащих напоминал мне дорогой по воспоминаниям Земский Отдел; здесь был ряд хороших, воспитанных и остроумных людей. Взаимные отношения Л. 179. не отдавали архаичными дореформенными временами. Помню, например, как один мой сослуживец на шуточный упрек, что он в служебное время читает газету, тогда, как по закону чиновник в свободное от занятий время обязан читать свод законов, очень остроумно парировал это замечание: «я закона не нарушил, ибо по закону я должен читать свод законов в свободное от занятий время, а у меня же сейчас масса неконченных служебных дел». Такие юридические шутки, живое дело, которое начало меня постепенно захватывать, хорошие в общем товарищеские отношения постепенно прижили меня с происшедшей в моей чиновничьей жизни переменой.

Для большего разнообразия в работе я зачислился в сословие помощников присяжных поверенных, где пробыл, однако, не долго, не более, кажется, двух лет. Не понравилось мне там по первым поверхностным, конечно, моим впечатлениям, да и не было у меня намерения отказаться от государственной службы, которая привлекала меня больше чем свободные профессии, так как в душе я лелеял мысль вернуться все-таки к крестьянскому делу.

В обществе распространен ошибочный взгляд, что адвокатура обеспечивает ту свободу, которой не дает государственная служба; это большое заблуждение. Там, где дело идет о заработке, о добывании себе куска хлеба, там вообще не может быть речи о большой свободе. Сотни адвокатов, как мне пришлось лично наблюдать, лишены на многие годы даже тех месячных отпусков, которыми пользуются чиновники; уехать в отпуск мало-

известному адвокату равносильно потере практики на срок значительно превышающие его отпуск. Кроме того, мелкие адвокатские дела цепляются одно за другим, сроки судебного слушания их зависят не от адвокатов, и часто задуманный отпуск приходится откладывать с одного месяца на другой в течении нескольких лет подряд. Более того, масса адвокатов не только к делам прикреплена, но еще и к определенному району города, к определенной квартире; я знал адвокатов, которые не меняли давно им надоевшей неудобной квартиры только из-за боязни потерять клиентов, привыкших к известному месту конторы. Остаются знаменитости, так сказать, единицы, лавры которых не дают иногда спать некоторым чиновникам. Но прежде всего для «знаменитости» нужен талант, способности, которые и на государственной службе выводят на арену интересного влиятельного дела. Зависимость «знаменитости»; так сказать рабство ее, еще сильнее, чем в средней адвокатской или чиновничьей среде. Тут уже совершенно невозможен частный отказ от выгодного выигрышного процесса; «знаменитость» непрестанно должна поддерживать свою популярность, как истинный карьерист постоянно думает и поступает, имея в виду преследуемую им цель.

Свободы личной в свободных профессиях нет. Можно говорить только о большей сравнительно интересности работы и лучшем материальном положении, но и в этом отношении далеко не так обстоит дело, как принято его рисовать в различных общественных кругах, но чиновничьих в особенности. Работа среднего и тем более мелкого адвоката, каковых подавляющее большинство, ничем не интереснее работы среднего столоначальника, так как для заработка надо браться за массу мелких шаблонных трафаретных дел о мелких кражах, взысканиях, оскорблениях и т. п.; рука на них быстро набивается, работа обращается в скучное однообразное ремесло. Для знаменитостей же, для громадного их большинства, неизбежны часто такие же, если не худшие, сделки с совестью, как и для типичных карьеристов бюрократического мира при переменах политического курса. Я не могу забыть фразы одного первоклассного адвоката — моего товарища, который мне говорил, что нет иска, в котором не было бы зернышка формальной правды; уметь взрастить, укрепить, развить это зерно — в этом и заключается искусство выдающегося адвоката. В переводе на обывательский язык это ведь означает, что нет такого несправедливого дела, за которое не взялся бы знаменитый адвокат с надеждой обьегорить противника.

Материальная сторона адвокатской службы выше, конечно, чиновничьей, но не привыкли еще русские люди беречь копейку и чаще конечный жизненный итог в материальном отношении у адвоката и у чиновника или одинаков, или прочнее даже у последнего.

Я не думаю сказанным мною бросить вообще тень на адвокатское словесие, среди которого очень много хороших, достойных и принципиальных людей. Я имел в виду только подчеркнуть некоторую предвзятость и односторонность взглядов нашего либерального общества на чиновничью работу. В итоге, мне приходится повторить только, что почтенна всякая работа, в каждой преследуются не одни личные, но и общественные выго-

ды, а такая работа возможна на всяком поприще, независимо от того носит ли последнее название свободного или чиновничьего, полной же личной свободы для живущего своим трудом человека нет и не может быть.

Когда я встретился в ставке со старым моим знакомым по адвокатуре П.Н. Переверзевым, он мне убежденно говорил, что «теперь», т. е. после революции, он ни за что не променял бы государственной службы на адвокатуру; так как технические принципы государственной службы и адвокатуры всегда в общем одни и те же, независимо от того или иного режима, то это заявление старого адвоката меня особенно убеждает о мнимых преимуществах адвокатуры, как представительницы «свободного» труда.

На меня самое удручающее впечатление произвело бесконечное, с 9 утра до 2 или 3 часов дня, сидение мое в приемной в ожидании назначенного мне президиумом Совета помощников присяжных поверенных представления этому президиуму. То что я увидел и услышал в зале заседания президиума, окончательно оттолкнуло меня от мысли посвятить себя всецело «свободному» сословию. За большим столом, покрытым красной скатертью, с важностью восседало человек шесть, почти исключительно евреев. Мы, новые члены сословия, были посажены на стульях у стены; председатель внимательно осмотрел нас, каждого по очереди опросил относительно фамилии его и патрона, а затем начал говорить. Опять пахло на меня гимназией, лицезерием, студенческой сходкой; так было все это шаблонно, глупо, пошло. Как небо от земли отличался этот какой-то маскарадный прием от простого делового отношения ко мне со стороны Савича при первом моем деловом представлении ему. Пробыв недолго в «свободном» сословии, я вышел из его состава навсегда.

В чисто чиновничьей среде Водного Управления должен еще отметить встречу мою со старшим моим гимназическим товарищем И.А. Рубаном, с которым, вследствие его крайне живого общительного характера и чрезвычайно доброго сердца, я скоро и близко сошелся, сохранив с ним самые теплые дружеские отношения вплоть до его преждевременной смерти во время Европейской войны от какой-то неожиданно постигшей его тяжелой болезни — туберкулеза легких. И.А. всей душой был предан судебной деятельности, но, желая жить в столице, решился перейти в совершенно чуждое ему ведомство, на относительно, впрочем, хорошо оплачиваемую должность правителя канцелярии Управления. Его вскоре потянуло к любимому делу и ему удалось вернуться в прокурорский надзор, в котором он и закончил свою службу на должности товарища прокурора петербургской судебной палаты, пробыв довольно долго прокурором ревельского суда. Рубан старался всячески меня вовлекать в семейные дела. Как я уже говорил, свои редкие досуги я проводил обычно в холостой компании или в оперном театре; чаще же всего отдых мой заключался в лежании на громадной кушетке в компании различных моих товарищей и друзей. Эта кушетка в семье Ковалевских так и называлась «залежи интеллигенции». Мы слушали бесконечные рассказы П.О. Ковалевского то о пребывании его в Риме, то на философско-семейные темы, всегда подкрепляемые выдержками из Толстовских произведений; часто бывали и различные, как всегда,

беспорядочные политические споры, особенно с приезжавшими из провинции товарищами; наш общий любимец и друг, посвятивший себя частной работе в Туркестане, Л. Кистяковский часто и долго гостил в столице; по своим взглядам он усвоил почти полностью программу кадетской партии еще задолго до ее возникновения; он и был тем ферментом, который поднимал жар спорящих; «залези интеллигенции» с его участием порою затягивались до утра.

И.А. Рубан отвлекал меня от домашнего сидения; сблизил на почве уже частного, а не только служебного знакомства, с Б.Е. Иваницким, а через него и с семьей их общего друга С.А. Куколь-Яснопольского, затем с Г.В. Глинкой, в семье которого Л. 183. я бывал ранее только урывками, и другими знакомыми.

Круг этих лиц, да холостых друзей, в сущности и составлял долгие годы мое единственное общество, так как прочих моих семейных знакомых я посещал очень редко в качестве праздничного визитера.

Что касается не чиновничьего, а привилегированного инженерного состава нашего Управления, то он резко делился на две группы: одна старая, большей частью находившаяся в скрытой оппозиции к новому начальнику Управления не инженеру, и другая молодая, стоявшая на стороне последнего.

Тип старого инженера, за целым рядом, конечно, исключений, характеризовался преданностью прежде всего своим личным интересам; среди них, в особенности в провинции, на должностях начальников округов путей сообщения были люди с большими знаниями, опытом и энергией. Округ, охватывая определенный водный бассейн, например, Волжский / Казанский округ/, Днепровский / Киевский округ/ и проч., представлял весьма сложную и крупную в технико-административном отношении единицу; должности начальника округа был присвоен высокий класс — четвертый, одинаковый с губернаторским местом; соответственно, с чиновничьей точки зрения, был высок и оклад жалования. Однако инженерная точка зрения на материальную сторону службы была иная. Инженер еще на студенческой скамье усваивал взгляд, что он, как специалист, должен иметь возможность не только безбедно жить, но и богатеть. Поэтому большинство старых начальников округов составляли себе, обычно, хорошие состояния, которые по размерам их явно превышали самую высшую сумму сбережений, доступных при самой экономной жизни чиновнику с окладом до 8–10 тыс.р. в год. Инженеры не считали ниже своего достоинства класть в свой карман все сбережения, которых удавалось достигнуть экономией против утвержденных цен на работы, получать процентное вознаграждение от различных подрядчиков и поставщиков; худшие же и наименее устойчивые Л. 184. попросту брали взятки и крали казенные деньги. Общественная точка зрения была им, конечно, чужда. Сказанное особенно относится к инженерам-полякам; они, к сожалению, всегда давали в России главный контингент нечестных чиновников. У меня были среди поляков хорошие знакомые, приятели, даже один очень близкий друг — доктор З.В. Чернявский; я довольно хорошо знаю польскую сре-

ду и должен сказать, что люблю ее именно за те качества, которые больше всего желал бы видеть в русских: за горячую любовь к своей Родине, за национализм; хорошо знаком я и с польской литературой и после русской она давала мне максимум духовного удовлетворения; если не считать Шекспира, Гете и Мопассана, Оржешко и Сенкевич всегда были моими настольными книгами. При всем колебании моих политических взглядов, я никогда не мог примириться с участием русской императрицы, впрочем, кстати сказать, вообще чрезвычайно не любимой мною, как все рекламное, в несчастном и бессмысленном разделе Польши. И, тем не менее, я не могу не сказать, при моих служебных воспоминаниях, что худший элемент на русской государственной службе, за исключением высоко честных и благородных единиц, представляли поляки. Инженерное дело, как наиболее материально выгодное, они особенно предпочитали. Объяснение сказанному мною надо, очевидно, искать в психологических основаниях: большинство служащих поляков считало, что они служат не родной стране, в которой дозволено им все в отношении наживы и ничто не может обязывать к честному исполнению долга. Я уверен, что теперь у себя «дома» психология эта изменилась, и многие наши враги-поляки стали честными работниками на пользу своей, а не чужой, родины.

Одно время, чтобы смягчить хищнические наклонности начальников округов, возникла курьезная мысль, при начатом, по инициативе Б.Е. Иваницкого, пересмотре положения об управлении округами и их штатах, увеличить содержание начальников округов до норм, отвечающих их привычному незаконному заработку; мысль эта, если не ошибаюсь, принадлежала самому министру. Это предположение вызвало сильные возражения со стороны представителей, кажется, финансового ведомства, совершенно справедливо указывавших, Л. 185. что привычка инженеров зарабатывать что-то сверх жалования так сильна, что все равно они будут получать жалования 20 т.р. в год, а привычную добавку к жалованию приобретать прежними способами.

Само собой разумеется, что старый инженерный мир не мог хорошо относиться к человеку совершенно иных с ним взглядов, другого общественного и служебного воспитания, каким был Б.Е. Иваницкий. Я помню, как в одном, именно польском, обществе мне пришлось быть свидетелем разговора о Б.Е., после возвращения его из продолжительной командировки за границу, где он выполнил весьма ответственное и сложное, сопряженное с очень крупными расходами поручение по заказу судов для пробного полярного рейса от Архангельска к устью Оби. «Ну, теперь он, конечно, обеспеченный человек», сказал кто-то, не зная моих личных отношений с Б.Е. Я вспылил и довольно резко просил не судить о всех по инженерам-полякам. Когда я рассказал потом про скромный образ жизни Б.Е. и, вообще, дал его характеристику, как лица, которое я давно и близко знаю, мне, по-видимому, поверили, но не без удивления, что возможна покупка чиновником громадных судов без личной наживы.

Слишком добрый и мягкий по своей натуре, Б.Е. не мог явиться тем начальником, который способен был произвести то, что называется радикальной чисткой ведомства. Его отношение к людям нечистоплотным,

его борьба с ними проявлялись исключительно внешним образом, в крайне резком, порою просто грубом общении с ними; с каждым годом эта резкость и грубость усиливались; легкая раздражительность сделалась привычным свойством Б.Е. и переносилась уже часто, даже по мелочным причинам, с тех, кто действительно заслуживает его гнева, на лиц им любимых и уважаемых. К брани быстро привыкали, не могли не привыкнуть те, для кого служебное положение и сопряженные с ним материальные выгоды были альфой и омегой их бытия. «Брань на воротах не виснет», а выгнать со службы, до этого добрый Б.Е. не дойдет, такова была психология старого состава Управления. Не встречая, при таких условиях, отпора своим выходкам, начавшим по резкости их превосходить иногда те сцены, свидетелем которых я бывал в приемной первого моего начальника Савича, Б.Е. доводил иногда служебные разносы до таких пределов, что потом о них рассказывались весьма занимательные и часто преувеличенные анекдоты.

В моей памяти сохранилось два очень характерных не анекдота, а случая подобного рода.

Однажды, достаточно бездарный генерал-моряк вывел Б.Е. своим тягучим докладом в такой мере из терпения, что он крикнул: «я не понимаю, дослужились вы до генеральского чина, в вместо делового доклада лепечете что-то непонятное, как бебешка». Слово «бебешка» переполнило чашу терпения генерала, тем более, что он своим розовым аккуратненьким лицом и маленьким ростом действительно напоминал нечто детское, и он отправился прямо к министру жаловаться. Совет, данный ему добрейшим князем Хилковым поверг его в полную растерянность, и он долго спрашивал с сослуживцев, как ему действовать дальше. Министр сказал: «ну, не обращайтесь внимания на крики Б.Е., он и на меня иногда кричит; это не от злобы, он очень добрый человек».

Другой случай, исполненный массы юмористических подробностей, которые мне трудно передать, заключался в следующем. В Петербурге, в нашем Управлении, как-то появился весьма престарелый инженер-инспектор шоссе, кажется, лет десять, если не более, не посещавший столицы; репутацию он имел прескверную. На расспросы его приятеля поляка-инженера, чего он прибыл, тот отвечал, что давно не видел высшего начальства и чувствует какую-то душевную потребность представиться, чтобы хотя посмотреть, как выглядит новый начальник. «Ну, как знаешь, но не понимаю чего тебе лезть, когда не зовут тебя», заметил вскользь столичный приятель; однако прямого и ясного объяснения почему было бы провинциалу гораздо лучше не напоминать о себе и убраться из Петербурга подобру-поздорову, дано не было, и тот просил доложить о себе. По словам моего приятеля, бывшего в это время в приемной, когда открылись двери в кабинет И. и шоссейный инспектор стоял еще на пороге, раздалось громкое приветствие, которым был встречен последний приблизительно в таких выражениях: «а-а, воры, пожаловали к нам, наконец!» Затем дверь закрылась; слышался неистовый крик и через некоторое время в полубессознательном состоянии появился обратно инспектор, упавший на первый попавшийся стул; его поливали водой, чтобы привести к созна-

нию; курьера, державшего стакан с водой, он со страха величал: «ваше превосходительство», а когда, наконец, пришел в себя, его приятель задал ему злой вопрос: «ну что, осталась в тебе еще душевная потребность видеться с начальством?» «О, никакой!» прошептал несчастный, и больше его в Управлении никогда не видели.

Способ обращения Б.Е. с недостойными инженерами не мог, как я говорил, заставить их уйти со службы: он только, так сказать, косвенно способствовал их уходу, не со службы только, а вообще из сего мира; так, один влиятельный начальник округа после служебного объяснения с Б.Е., придя домой, скончался от паралича сердца; некоторые переводились не на активную роль членов совещательного органа при Управлении — комитета, другие уходили в отставку за выслугу лет.

Шедшее на смену им новое поколение инженеров было в большинстве проникнуто уже новыми, не грубого материально-эгоистического свойства, стремлениями; это были или карьеристы, воодушевленные мыслью о государственных пользах, или люди ученой складки, для которых успех работы, ее прогресс составляли смысл их скромной служебной деятельности, или просто хорошие честные работники-техники.

Несомненно, личность нового начальника Управления, его широкие взгляды на государственное дело, начатые им реформы во всех областях довольно таки отсталого ведомства, каким было Управление водных и шоссейных путей, стоявшее всегда в тени со сравнением с железнодорожным ведомством, в весьма большей степени способствовали появлению и служебному продвижению нового типа инженеров.

Постепенно со многими из них на деловой почве, а с годами и на личной, я близко сошелся.

Общение с новыми для меня людьми было полезно мне в том отношении, что открывало передо мною путем живого слова, как обучение меня Сибири И.И. Крафтом, водного дела для нашего народного хозяйства. За зубренные в свое время без смысла и связи названия великих рек России оживали, получали кровь и плоть; вырисовывались громадные народно-хозяйственные возможности при надлежащем устройстве и эксплуатации наших естественных путей сообщения. Вторая, кажется, по хлебным оборотам Мариинская система делалась любимой, понятной, возбуждала чувство национальной гордости. Сравнение смелого размаха Петра Великого с последующим, относительно робким, продвижением нашего речного дела вперед заставляло критически относиться к настоящему и развивало желание быть хоть чем-нибудь полезным этому делу, в меру сил толкать его вперед, всемерно защищать, его — другими словами наступало то, что одно дает смысл всякой принудительной работе — живой интерес к ней.

Ряд технико-экономических партий работал по обследованию наших водных путей, по проектированию новых систем. Наиболее крупной, можно сказать смело величественной, представлялась работа проект водного пути между Балтийским и Черным морем посредством соединения Западной Двины с Днестром и ряда шлюзных устройств, а также канализация Днепровских порогов. В Управлении имелись уже весьма ценные и

интересные материалы по этому делу, представлявшие не только специально технический, но и выдающийся экономический интерес. Так как в мое время обсуждались различные предложения частных, преимущественно иностранных, соискателей по проведению означенного пути, то мне было поручено составить сводную историческо-статистическую справку о данных его обследования, охватывавшего до 25 губерний. Я не могу здесь останавливаться на подробностях этого великого по своему экономическому значению плана, который, дополняясь проектом соединения Дона с Волгой, включал в одну речную систему бассейны трех морей: Балтийского, Черного и Каспийского; по частному вопросу об эксплуатации порогов Днепра мне придется говорить несколько подробнее ниже. Теперь же замечу только, что отсутствие в стране капитала и несчастная наша боязнь вторжения иностранных капиталов, в связи с еще более несчастными и еще менее обоснованными, все иногда заполнявшими, стратегическими соображениями, затормозили осуществление названного мною проекта. Для меня же лично изучение этого дела имело большое значение, как потому, что вводило в область новых знаний, так и потому, что способствовало сближению моему с рядом новых интересных людей — специалистов и дало, благодаря этому, возможность воочию наблюдать эволюцию нашего инженерного мира, нравственный прогресс русского служилого люда, даже в тех частях службы, которые еще недавно казались наименее доступными ему. Эта подробность моих служебных наблюдений особенно ценна для меня, как горячего националиста, ибо она укрепляет веру в русские силы, в силу русского народа. Если наиболее некогда темное и развращенное наше ведомство — судебное, живым духом реформ Императора Александра II, могло найти в несколько лет тысячи кристально-честных деятелей, для которых, вопреки знаменитому по гнусности заявлению Керенского, понятие «честь» заменяло все личные материальные выгоды в жизни, если уже на моих глазах, считавшийся весьма подозрительным, акциз мог быть превращен, главным образом, энергией одного человека — Витте, а отчасти и его предшественников и некоторых их сотрудников, в совершенно чистый род службы, к которой потянулась масса молодежи с высшим образованием, если тому же человеку удалось найти в России громадный кадр людей тоже с высшим образованием для формирования столь соблазнительной для взяточников податной инспектуры, в которой злоупотребления считались совершенными исключениями и т. д., и т. д., то еще лишний штрих к сказанному мною: мои личные светлые впечатления от новых инженеров не могут не представлять утешительной, радостной картины для всякого, кто хочет верить в русский народ и его честные творческие силы.

Из молодых инженеров особенно сблизился я с выдающимся, европейски образованным, специалистом-гидротехником, инженером путей сообщения С.П. Максимовым; его, как вообще и всю инженерную молодежь, а также, конечно, и честных представителей старого инженерного мира, очень ценил и любил Б.Е. Иваницкий, которому эта молодежь отвечала естественно тем же. Максимов впоследствии перешел Л. 190. в ведомство землеустройства по отделу земельных улучшений, в котором за-

нимал должность помощника управляющего Отделом /вице-директора/, так что наши служебные пути встретились и по оставлении мною службы в ведомстве путей сообщения. Он интересовался не только технической, но и правовой стороной дела, в которой умело для не юриста разбирался. Совместно и довольно долго пришлось мне работать с ним по сложным вопросам эксплуатации силы падения воды в связи именно с проектом канализации Днепровских порогов, каковая работа и установила между нами приятельские отношения.

Из инженеров новой формации назову П.П. Чубинского, Тренюхина, С.В. Васильева, Тухолку, Старицкого, попова — все они, как и многие другие, фамилии которых теперь мною позабыты, были весьма незаурядными, а некоторые и прямо выдающимися честными деятелями.

Талантливый и с громадной инициативой инженер П.П. Чубинский широко развернул свои технические и организационный способности на Дальнем востоке в ответственной должности начальника управления водных путей Амурского бассейна, т. е. по европейской терминологии — округа путей сообщения. Обстановка р. Амура, для правильности ее требовавшая тщательных повторных исследований, крайне сложная при извилистости и изменчивости фарватера, являлась технической гордостью нашего ведомства и возбуждала почтительное изумление со стороны иностранцев. Огромность бассейна этой реки с полноводными, но мало изученными притоками /Зея, Буряя, Сунгари и др./ требовала серьезного научно-технического изучения; с этой целью там работал ряд инженерных партий. Чисто хозяйственные операции по содержанию довольно крупной казенной флотилии, разрешение массы правовых вопросов, связанных с полицией безопасности и благоустройства водных путей, с делом найма многочисленного персонала служащих на частные суда, наконец, разрешение различных ответственных пограничных вопросов с нашим правобережным соседом — Китаем и проч, и проч. — все это ставило местное водное Управление в исключительное, по сложности работы, положение.

Кстати, вспоминая где-то прочитанные мною воспоминания одного из наших ссыльных революционеров, где он, описывая свои скитания, Л. 191. приведшие его к временной работе в Управлении водных путей Амурского бассейна, с «глубокомысленной» иронией замечает: «в России и такое было Управление». Это невежество, всегда заставлявшее меня вспомнить Крыловскую «Свинью под дубом», удивительно характерно вообще для нашей революционной среды. Утопическая, без конкретных, сколько-нибудь основанных на реальных знаниях, данных, брошюрки заменяли этим несчастным русским людям всякое образование, в особенности знание подлинной России; поэтому так легко разрушалось по их инициативе во время революции все то, ценности чего они понимать не могли, то, что при всяких социально-политических строях остается неизменно необходимым для блага народа.

С П.П. Чубинским я работал впоследствии совместно в Амурской Экспедиции, и эта работа и сдружила нас.

В заключение, для характеристики новых веяний в инженерной среде, должен упомянуть о том изумлении, в которое привели разных поставщиков и подрядчиков приемы работы, введенные новым молодым начальником киевского округа путей сообщения Тренюхиным. Когда еврей-подрядчики, при заключении условий на работу, объявили ему сумму личного его процентного от них вознаграждения, он согласился на их предложение, а затем, при утверждении цен на работы, сбросил соответствующую сумму с этой цены, заявив удивленным контрагентам, что они ведь сами признали, что работы фактически обойдутся без убытка для них дешевле на сумму предложенного ему «гонорара». Также поступал и замесивший Тренюхина в должности названного округа инженер Попов.

О личном богатстве от службы эти люди уже не думали. Не революционным, а эволюционным путем достигалось самое ценное для всякого человека и народа качество — умение честно работать; революция, развратив население и перебив лучших его работников, причинила на многие десятки лет гораздо больший ущерб России, чем материальное расхищение ее богатств, на котором главным образом сосредотачивается ошибочно внимание русских и европейских врагов керенщины и большевизма. Но об этом в своем месте.

Работы по реформированию дела заведывания водными путями при Б.Е. Иванищом касались, как я и говорил, всех сторон дела. Заведывание портами, после различных ведомственных трений и обострения отношений между Б.Е. и сторонниками в.кн. А.М., ставшего во главе дел торгового мореплавания, было изъято из ведения нашего Управления, и главное внимание последнего всецело сосредоточилось на реках и отчасти шоссе.

Мне лично, с переводом моим в юридическую часть, пришлось принимать непосредственное близкое участие в разработке: 1) нормального устава судоходства и сплава, 2) правил о найме служащих, 3) положения об эксплуатации силы падения воды.

Кажущаяся, судя по названию работ, для поверхностного взгляда, сухость и как бы второстепенность их, обманчивы; более близкое знакомство с их содержанием открывает весьма заманчивые для государственно-мыслящего человека вообще, а для юриста в частности, деловые перспективы. Я не могу останавливаться на утомительном для не специалиста подробностях названных законопроектов, но охарактеризовать их в кратких, так сказать популярных и бытовых чертах, считаю не лишним для полноты моих служебных воспоминаний.

Начну с устава о судоходстве и сплаве. Постановления закона по этому предмету составлявшие приложения к уставу путей сообщения, устарели до курьезности и в большей их части на практике уже не применялись; они содержали в себе правила еще Петровского времени, когда законодатель стремился, в целях большей доступности текста закона мало образованному обывателю, знакомить его не только с той или иной правовой нормой, но и различными основаниями, обусловившими ее издание, а кроме того нагромождал закон массой подробностей чисто циркулярного характера; были, например, статьи устава, которые за успешное исполнение тех или

иных операций судоходной инспекцией обещали ей различные награды: «не только денежные, но и самим орденом или чином»; определялось даже сколько дней в неделю запрещается напиваться и т. п. Канцелярия Государственного Совета не решалась уничтожить архаические правила в кодификационном порядке, что Л. 193. в сущности было бы самым правильным; она добросовестно ждала замены их новыми законодательными нормами, по инициативе «заинтересованного ведомства». Последнее действительно пыталось дать новые законодательные правила взамен устаревших, но попытки эти не имели успеха, так как техники-специалисты, поглощаемые всегда массой мелочных подробностей, не имели ясного представления, как разграничить область законов от области административного циркулярного усмотрения; они определенно сознавали одно, что судоходное дело настолько живое и подвижное, что если подчинить его неподвижным и трудно изменяемым нормам закона, то кроме вреда от этого ничего не получится: либо закон вскоре не во всех частях будет исполняться, либо он будет обходиться путем злоупотреблений должностных лиц. С другой стороны, в лучшей, наиболее юридически образованной среде ведомства не было сомнений, что и полный произвол, безграничное, несдерживаемое никакими законодательными нормами, усмотрение ведомства в деле подчинения судоходства и сплава каким-либо полицейским стеснениям представляется совершенно недопустимым. Еще до назначения начальником Управления Иваницкого, МПС входило с законодательным представлением проекта положения о судоходстве и сплаве; этот проект, по объясненным мною причинам, заключал в себе целый ряд мелких полицейских правил и заканчивался весьма курьезной, чтобы не сказать более, с правовой точки зрения, статьей, которая предоставляла министру путей сообщения отменять, изменять и дополнять все правила Положения в Государственном Совете или Комитете Министров /не помню теперь/ вполне естественно министру путей сообщения был задан вопрос, почему он собственно домогался постатейного рассмотрения представленного им проекта, когда в сущности законодательное значение имеет одна последняя его статья, дающая министру право обязывать судоходцев и сплавщиков любыми, по его усмотрению, правилами.¹ Само собой разумеется, что в таком дискреционном праве, в виде постоянной меры, министру было отказано.

При Иваницком дело приняло уже иное государственно-правовое направление; предварительная разработка его была поручена Н.И. Туган-Барановскому, а затем выработанный законопроект был Л. 194 внесен на рассмотрение междуведомственного совещания. К участию в этой работе Н.И. пригласил меня.

¹ В данном случае Романов недоумевает по поводу отлаженного бюрократического механизма. Министр, чтобы не брать за ту или иную меру ответственность целиком на себя, тщательным разбором всех статей предполагал разделить ее со всеми членами совещания. Кроме того, он мог принять к сведению мнения, высказываемые его коллегами.

В основу законопроекта были положены нами такие общие соображения: 1) законодательные правила судоходства и сплава должны заключать в себе исключительно общие нормы, совершенно не касаясь изменчивых технических подробностей, опираясь на каковые нормы, сдерживаясь так сказать их пределами, исполнительное ведомство получит законное право регулировать в подробностях этот важный вид народного промысла и 2) дабы многочисленные административные правила, которые будут издаваться в развитие закона, были возможно более обеспечены от произвольного усмотрения одного ведомства и были всегда возможно ближе к действительным условиям жизни, издание таких правил должно производиться не единоличным усмотрением министра, но через коллегиальный орган, совет по делам судоходства и сплава, состоящий из представителей различных ведомств и выборных представителей от самих судопромышленников и сплавщиков. Таким образом, в отсталое в правовом отношении дело вносилась свежая струя привлечением у нему различных специалистов и общественности.

Разработка законодательных норм по судоходству и сплаву потребовала весьма напряженной работы, понятной только юристу: требовалось внимательно изучить громадный материал разновременных издававшихся полицейских правил, систематизировать его, отобрав из устаревшего хлама все жизненное и, наконец,, самое главное, из целого ряда однородных мелких правил извлечь одну, обобщающую их, законодательную норму, которая не только подводила бы законный фундамент под существующие административные правила, но и служила бы основанием для возможного их развития в будущем. Все это требовало очень тонкой, чеканной и для юриста занимательной работы. Занятия мои с Т-Б в этой области продолжались долго, кажется, целую зиму; проект был одобрен и министром и начальником Управления, а также благополучно в общем прошел через междуведомственное совещание, после чего был разослан еще на заключение всех министров.

Вторая довольно крупная работа, которая была поручена мне уже единолично — это разработка законопроекта о найме служащих Л. 195 по судоходству и сплаву. Знарок судоходного дела морской офицер А.И. Одинцов составил весьма обстоятельный проект соответственных правил, но они частью устарели, частью опять таки по недостатку у автора юридических методов мышления, требовали серьезной переработки. Не полагаясь на материалы А.И. Одинцова, хотя и чрезвычайно ценные для меня, но не снабженные совершенно ссылками на какие-либо источники, я прежде всего познакомился со всеми аналогичными законами по другим отраслям труда, как в бедном по этой части нашем законодательстве, так и в западноевропейском, особенно германском. Затем я прочел русскую литературу по этому предмету, которая, к моему величайшему изумлению, вполне впрочем естественному при недостатках нашего образования, оказалась весьма богатой именно в интересовавшей меня области судоходства. Печатные труды санитарных врачей округов путей сообщения, совершенно почти неизвестные нашему обществу, как все «казенное», в таких под-

робностях цифровых и описательных освещали быт и тяжелые условия труда различного рабочего нашего люда на реках, начиная с матросов и кончая пароходными лакеями и знаменитыми волжскими крючниками-грузчиками, что осталось только, внимательно изучить их, извлечь из них те конечные выводы, которые могли бы быть переработаны в законодательные обобщающие нормы. Попутно мне хочется еще раз сказать, как обидно, как досадно, что Университет наш, давая схоластические сведения о «значении прилежного труда для его производительности», о том, что «веревка есть вервие простое» и т. п., не знает и не хочет знать родной жизни, задачи из которой с успехом поддаются интереснейшей научной разработке, хотя бы, если не на лекциях, то в виде практических занятий. Право, студенту-экономисту было бы гораздо полезнее порекомендовать прочесть, например, работы об условиях труда наших грузчиков, в связи с главой по рабочему вопросу, чем преподносит ему изустный в течении года пересказ печатного учебника.

Само собою разумеется, что та картина рабочей обстановки, которую дали мне изученные мною материалы, поставила меня всецело на сторону служащих и против эксплуататорских наклонностей промышленников-нанимателей. Это не могло, конечно, не отразиться на общем направлении моей работы. Т.Б., познакомившись с составленным мною законопроектом, назвал его, смеясь, социалистическим, но признал, что как база для торга с судопромышленниками он вполне целесообразен и если даже подвергнется некоторым изменениям под их натиском и во внимание действительно упущенным мною некоторым затруднениям для них (например, моему проекту потребовалась бы перестройка некоторых мелких пароходов для улучшения жилищных условий прислуги), то во всяком случае явится крупным шагом вперед в нашем законодательстве о рабочих.

Не помню, что затормозило дальнейшее продвижение моей работы, но законопроект о найме долго оставался у меня в портфеле. Министр как-то внезапно заинтересовался этим проектом; на вопрос Т.Б. под рукой ли у меня проект и хорошо ли переписан, я обещал принести его на другой день. С портфелем, в котором находилась моя многомесячная работа, я отправился обедать с приятелями по Земскому Отделу в ресторан; министр куда-то уехал на один день, и представление ему законопроекта было отложено. Обед наш, по поводу какого-то чествования, прошел в отдельном кабинете чрезвычайно оживленно, и уже под утро только я вернулся домой. На другой день Т.Б. спрашивает у меня снова о законопроекте, я иду по привычке к своему столу, чтобы достать бумаги из портфеля и, в тщетных поисках его, припоминаю, что вчера со службы на обед я ушел с портфелем, а пришел домой без него. Начались безрезультатные поиски и по телефону и личные; в конце концов я должен был объявить начальству о пропаже так долго составлявшегося законопроекта, как подлинника, так и переписанного на машинке для министра. Т-Б был очень взволнован, главным образом тем, что неизбежно увольнение меня от службы, очень сетовал на мое легкомыслие и убедил еще раз самому съездить в ресторан поискать портфель; к большому моему изумлению и радости последний,

действительно, был найден мною почему-то на кушетке возле стола; это событие было отчествовано тут же мною должным образом в вызванными по телефону друзьями из Земского Отдела, уже знавшими о моей неудаче и сильно за меня волновавшимися, но с тех пор я никуда никогда больше не брал Л. 197. с собою никаких служебных дел при поездках по частным делам.

Законопроект мой начал свое обычное странствие по ведомствам и совещаниям.

Наконец, последняя, пожалуй наиболее интересная и увлекательная работа, в которой я принял участие, заключалась в разработке вопроса «об эксплуатации силы падения воды», как гласило официальное его название, или о «белом угле», как принято было говорить в технической литературе.

«Белый уголь», т. е. использование водопадов и речных течений для получения электрической энергии, получивший мощное развитие в Америке и отчасти в Западной Европе, России почти не известен. Проект соответственного устройства Днепровских порогов был, как я уже говорил, разработан, в связи с проектом Черноморско-Балтийского водного пути. Осуществлением электрификации Днепровских порогов были бы достигнуты грандиозные экономические задачи: русский Манчестер — Екатеринослав и весь его фабрично-заводской район получали бы дешевую энергию в количестве, обеспечивающем в десятки раз увеличенное, по сравнению с существующим, производство, не говоря уж о том, что юго-западный край, с Киевом во главе, был бы соединен сплошным дешевым путем сообщения с Черным морем, которое с низовьями Днепра отрезано теперь от среднего и верхнего его плеса именно Екатеринославскими порогами.

Однако, использование силы падения воды в Днепровских порогах, вполне осуществляемое технически, сталкивалось с серьезными затруднениями юридического свойства. Каковы права частных прибрежных владельцев на эту силу, а если таковая и была бы признана, подобно праву судоходства, принадлежащей общественно-государственному распоряжению, то какие пределы вознаграждения берегового владельца за принудительно отчуждаемую от него, обычно скалистую, береговую полосу: по местной оценке стоимости земли, либо по расчету, принимающему во внимание специальную ценность берега, расположенного у таких источников двигательной силы, как Днепровские пороги и т. п.? На эти вопросы в нашем законодательстве не заключалось сколько-нибудь определенных ответов. Владельцы, Л. 198. осведомившись о тех выгодах, которые дает им приречное расположение их имений, не желали дешево расстаться с ценной их частью, но, не располагая достаточными средствами на производство крупных гидротехнических работ, сами не эксплуатировали силу падения воды, которую они считали своей собственностью, а, выражаясь вульгарно, лежали, как собаки на сене. Кроме того, надо сказать, что, в свою очередь, эксплуатация силы падения воды сложно сплеталась с правом судоходства и сплава, так как, понятно, то или иное гидротехническое устройство не могло не влиять на общее состояние водного пути и требовало государственного разрешения и наблюдения за частным предприятием по экс-

плуатации силы водного падения. Это вызывало необходимость создания на местах особых специальных административно-технических органов.

Все изложенное побудило наше ведомство приступить к разработке общего вопроса об условиях добычи белого угля, поставив дело о Днепровских порогах в зависимость от выработки общих для России правовых оснований пользования водной силой для получения двигательной силы.

С высочайшего соизволения с указанной целью было образовано особое совещание, под председательством единственного, кажется, сенатора с образованием инженера путей сообщения, престарелого Фадеева; в состав совещания вошли крупные юридические силы различных ведомств, а разработка и подготовка материалов, также и ведение журналов Совещания было возложено на чинов нашей юридической части, с усилением их состава несколькими молодыми специалистами-инженерами. Во главе образованного таким образом делопроизводства совещания, как было принято у нас называть исполнительные органы совещаний, был поставлен присяжный поверенный М.И. Свешников. В бытность мою студентом, С. занимал, на правах привет-доцента, вторую кафедру государственного права; читал живо, имел свою аудиторию, но, как говорил Коркунов, давал слушателям скорее календарные, чем научные сведения, так как по натуре своей он был всецело практик, а не ученый, почему, выйдя в оппозиционном порядке из состава профессоров, он всецело предался адвокатуре, преимущественно по делам различных акционерных компаний и проч. Дела его то шли в гору, то падали; Л. 199. поэтому его полную фигуру с упитанным бритым лицом типичного бонвивана приходилось видеть то в удобной собственной коляске, то пешком, когда он весь красный и потный, от тяжелой и непривычной ему ходьбы бегал по всему городу по различным учреждениям и клиентам. Пешая его фигура была моим последним воспоминанием о нем: в 1905 году он во главе процессии адвокатов с каким-то, кажется, флагом в руках с трудом, но торжественно шествовал по Литейному проспекту; позже мы не встречались. Это был типичный столичный интеллигент от оппозиции: способный, красиво говорящий, больше всего в этой жизни любящий удобства сытой жизни и не выдерживающий никакой длительной упорной работы, если в особенности она не обещает сколько-нибудь приличных материальных выгод. Хотя иметь общение с С. было в общем всегда приятно, как с живым и остроумным собеседником, но, конечно, назначение его во главе делопроизводства или канцелярии серьезного совещания в деловом отношении не могло ничего обещать хорошего. Милый, добрый и высоко добросовестный сенатор Фадеев сначала отнесся с полным доверием к своему сотруднику-«профессору» и адвокату; возлагал, видно, на него большие надежды и в первые недели не вносил никаких предположений в совещание, не получив соответственной справки или заключения «профессора». Первые дни С. действительно увлекся работой, но вскоре переложил на меня главную ее часть; постоянно отвлекался от дел переговорами с разными своими клиентами-концессионерами, писал наскоро в заседаниях совещания проекты различных частных уставов, иногда внезапно покидал заседание для длительных разговоров с ожидав-

шими его даже в коридоре Управления клиентами; опаздывал, а часто и совсем не приходил в назначенный час на квартиру сенатора Фадеева, где он устраивал предварительные совещания с ним чинов нашей канцелярии по отдельным юридическим подробностям.

Старец Фадеев, в тщетных поисках «профессора», разводил иногда беспомощно руками и добродушно говорил про него: «Что же это за работа? Там пробежал, здесь плюнул и исчез». В конце концов, несмотря на свое благодушие, Фадеев начал не на шутку сердиться и стал игнорировать С., фактически передав Л. 200. делопроизводство совещания в мое ведение.

Те, кто не соприкасался с внутренней жизнью наших министерских учреждений и в особенности кто относился к ним с предубеждением, никогда, конечно, не представлял себе с какой горячностью, с какой чисто научной пытливостью постигнуть истину, протекали многие «казенные» совещания.

В нашем совещании, по ознакомлении с законодательными и литературными материалами, сразу же определились два течения мысли: одно, стоявшее на точки зрения широких государственных интересов; другое, отстаивавшее, по основаниям впрочем чисто правовым, частнопрововые интересы. Оба течения были представлены серьезными юридическими силами: первое поддерживали главным образом юрисконсульты министерства юстиции Нечаев и финансов — Гренгросс, второе — сенатор Гасман; прочие участники совещания распределились почти поровну между этими так сказать лидерами двух противоположных взглядов. Обе стороны проделали чрезвычайно обстоятельные исторические изыскания в области нашего водного права, начиная с Уложения царя Алексея Михайловича и отдельных законов Петра Великого. Государственники, парируя обвинение их в колебаниях устоев права личной собственности, снабжали свои доводы целым рядом исторических справок, которые, с моей точки зрения, вполне убедительно доказывали истинно-государственный взгляд наших царей, особенно, Петра Великого, на речное наше хозяйство, как на достояние общественное, в котором береговой владелец имеет лишь некоторые права в интересах своего земельного имения, в пределах не нарушающих интересов общественных и государственных. Защитники частнопрововых интересов оперировали, с не меньшей горячностью, данными позднейших законов, которые они считали вредными и опасными колебать. Это — так сказать схема возникшего разногласия; я не могу говорить о подробностях, чрезвычайно интересных для специалистов-юристов; вокруг таких подробностей разгорались часто весьма тонкие по юридическому анализу прения. Должен только заметить, что в горячих поисках затуманенной законодательными и бытовыми наслоениями истины, нервы у активных членов совещания так истрепались, отношения так обострились, что лидеры противоположных течений мысли перестали подавать друг другу руку, а иногда заседание совещания закрывалось Фадеевым до окончания его, по причине слишком обостренного характера прений. Припоминаю, что в первые дни работ совещания, когда начала уже определяться непримиримость основных точек зрения на вопрос, раздался предостере-

гающий голос одного умного и очень практичного инженера В.Е. Тимонова. Он был настолько практичен, что, как говорили о нем злые языки, менял свою внешность в зависимости от наружности данного министра: то он ходил в поношенном сюртуке, с растрепанными волосами на голове, со всклокоченной бородой, то при министрах не ученой, а светской внешности одевался с иголки, стригся и имел бороду в виде аккуратного клинышка *a la Henri IV*. В совещаниях он всегда был интересен тонким и злым своим остроумием; например, когда говорили об исправности какого-то шоссе, он, любезно улыбаясь, задал вопрос, почему именно на этом самом шоссе сокрушился автомобильный свадебный поезд дочери одного сановника, по небрежности ли шоферов или, быть может, вследствие некоторых недостатков именно самого шоссе.

Зная пристрастие Т. быть оригинальным, идти против общего течения, увлеченные делом юристы не обратили внимание на его предостережение, а оно заключалось в том, чтобы выработать специальный новый закон в отношении одних только Днепровских порогов, а общими юридическими вопросами заниматься уже потом, сколько угодно. На этот раз, как показало будущее, Т. оказался прав; из-за общего вопроса надолго затормозилось разрешение дело о белом угле для Екатеринославщины. Нам, всем юристам, показалось тогда, однако, обидным прерывать начатое общее изучение сложного юридического вопроса и заниматься какими-то частностями. Предложение Т. было единогласно отвергнуто.

В разгар обострения споров в совещании, однажды ночью, среди сна, как это часто бывало со мною при увлечении какой-нибудь служебной работой, меня вдруг осенила, показавшаяся мне тогда блестящей, мысль примирить противоположные течения, сочетав государственные и общественные интересы. Я тотчас же, встав с постели, набросал схему моих соображений, а утром поспешил к сенатору Фадееву поделиться моим открытием. Я забыл теперь различные подробности дела, но, насколько могу вспомнить, мое предложение сводилось в общем к предоставлению береговому владельцу права, в течении известного срока после того, как поступит предложение другого частного лица или правительственного ведомства, самому использовать силу падения воды для однородных по размеру и общественной выгодности гидротехнических устройств. Фадеев радостно ухватился за мою мысль, очень благодарил меня и уверенно говорил: «ну, слава Богу, теперь верно, мы придем к концу». С согласия Фадеева, я составил подробно мотивированную записку и доложил совещанию; когда по ней открылись прения, то к искреннему моему и Фадеева изумлению, они сразу же приняли столь обостренный характер, что в результате заседание пришлось закрыть, а некоторые из членов совещания отказались принимать в нем участие вообще.

Бедный Фадеев был чрезвычайно удручен, я пытался его утешить, говоря, что у нас есть еще способ закончить работы, что во всяком случае выработаны нами уже положения о местных водных учреждениях, органах надзора и пр., а вопрос о праве на движущую силу воды можно направить в дальнейшие инстанции в двух редакциях и что вообще нельзя терять на-

дежды на созыв хотя бы последнего совещания для подписания протоколов и прочих заключительных действий. Фадеев печально посмотрел на меня и сказал со вздохом: «нет, чувствую, что мое место даже не в совещаниях, а там», и он поднял руку вверх по направлению к небу.

И действительно, через несколько дней я провожал уже к месту последнего успокоения этого честного старого работника. Несомненно, страстная работа совещания подорвала физические силы Фадеева, у которого было больное сердце, и ускорило его кончину. Можно радоваться одному, что не дожил Фадеев до времени, когда тысячи подобных ему расстреливаются за принадлежность к «нетрудовому классу населения».

После скандала в совещании в связи с обсуждением моей записки я имел первое беспокойное объяснение с Б.Е. Иваницким. «Как вы решились входить с какими-то самостоятельными представлениями, не посоветовавшись даже с М.М. Свешниковым; Л. 203. ведь вы недавно со школьной скамьи и видите, что наделали!» Я обиделся, объяснил, что я кончил Университет, служу пятый год, и ушел недовольный начальством, но, конечно, не объяснив, почему нельзя и не стоит советоваться с «профессором».

После смерти сенатора Фадеева начались тщетные поиски заместителя ему в совещании. Сенатор Варварин, с которым велись предварительные переговоры, прямо так и написал: «ознакомившись с журналами и материалами [выделено в оригинале] совещания, не нахожу возможным принять в нем председательствование». И действительно, гряда исторических изысканий, а главное обостренные отношения в среде совещания, которые ярко выявлялись в его журналах, не могли быть привлекательными для свежего, со стороны, человека.

К этому времени наступили события, которые все вообще наши законодательные предположения, а не только по белому углю, затормозили на много лет: война с Японией и первая после нее революция.

На этих событиях я должен, хотя бы самым кратким образом остановиться в моих воспоминаниях, конечно, только постольку, поскольку они отразились на моей личной обывательской и чиновничьей жизни; за эти пределы не распространяются, как я говорил, задача моих записок. Наша война и наши новые, порожденные первой революцией, законодательные учреждения имеют своих специальных мемуаристов.

Война в столице глубоко волновала общество, в особенности чиновничий мир: мы остро переживали каждый шаг военных событий; печалились гибелью адмирала Макарова, художника Верещагина, генерала Кондратенка; ненавидели адмирала Алексеева за его бездарность и ликовали по поводу назначения главнокомандующим генерала Куропаткина. У каждого из нас пошел на войну ряд близких людей... Провинции нашей, в массе ее, война была чем-то чуждым, не интересным. Оппозиционно большей частью настроенное, под влиянием прессы и земств, провинциальное общество в лучшем случае не интересовалось этим событием, а в худшем исповедовало веру в то, что «чем хуже — тем лучше». Л. 204. Слухи о том, что виновники войны — мы, а не японцы, что у нас был выгодный и почетный способ избежать нападения на нас японцев, что наша дипломатия и

другие заграничные представительства на Дальнем востоке проявили преступную и тупую неосведомленность в отношении политических целей и военных средств Японии — все эти слухи постепенно разрастались, но в государственно-мыслящих людях они могли только пробудить желание исправления ошибки, без унижения русского авторитета на Дальнем Востоке, в среде же утопистов, к которым принадлежало большинство оппозиционной интеллигенции, вызывали одно стремление — к поражению.

Наши государственные ошибки на Дальнем Востоке получили, по моему мнению, наиболее яркое и понятное выражение в вышедших теперь мемуарах С.Ю. Витте. Для меня, посвятившего ряд лет службы делам Приамурья, данные и соображения Витте теперь особенно близки и дороги, как подкрепляющие мои собственные взгляды, но, повторяю, во время японской войны над всем преобладало у меня естественное чувство скорби по поводу наших военных неудач.

Столкновение в настроениях и взглядах с инако мыслящими и чувствующими представителями нашей оппозиционной, особенно провинциальной, интеллигенции вносило уже в наши споры сильное раздражение, увеличивало пропасть между двумя, совершенно непримиримыми, идеологиями.

На одной стороне находились те, как я, которые знали и чувствовали, что в России, при ее непочатых богатствах и массе требующих разрешения, так сказать, обыкновенных текущих вопросов во всякой решительной области, с которой хотя бы случайно соприкоснешься, не наступило еще время для резких скачков вперед по пути политическо-социальных задач, на другой стороне были те, кто по принципиальным или часто просто личным соображениям верил, что главное для России то, что написано в европейских научных книгах либо социалистических брошюрках, т. е. ограничение самодержавной власти, четырехрядка (всеобщее, прямое, тайное и равное голосование), передел и раздача частновладельческих земель и т. п. Значение для России самодержавного строя прекрасно выявлено опять таки в тех же мемуарах Витте; он вполне отчетливо выражает те причины, которые могли побуждать известную часть государственных Л. 205. работников держаться за этот строй, единственно удобный для быстрого проведения главным образом хозяйственных реформ. Я не стану здесь повторять его доводов. Мне важно только отметить наличие такой убежденной идеологии, к которой я тогда примыкал всецело и под влиянием событий укреплялся все сильнее и сильнее.

Я не давал еще тогда себе отчета, что в жизни народов, государств, как и в частной жизни человека, наступают такие моменты, когда доводы ума и логики должны уступать место психологии, области простого человека. Психологически, а не по объективным условиям для России, или по крайней мере для единственной влиятельной части ее населения — так называемой интеллигенции, наступило время предпочесть конституционный строй старому Самодержавному, как для крестьян чисто психологически настало время потребовать себе помещичьи земли, как в нынешнее смутное время психологически необходимо оказалось попробовать большевизма и коммунизма. Никакие доводы логики и ума вообще не имеют в

таких случаях силы, раз известная масса населения, подготовленная одной стороной прессой и пропагандой, настроена так, что в первый удобный для нее момент с общим увлечением и подъемом потянется за тем, что ей кажется в данное время для нее наилучшим. Наше правительство не знало контр-пропаганды, да и едва ли сумело бы с нею быстро и хорошо справиться, а раз этого не было и широко развивалась проповедь других идей — крушение старого самодержавного строя было неизбежно.

Крестьянам и интеллигенции внушалось, что стоит отдать помещичьи земли нашим землепашцам и наступит общее их благоденствие; десятки лет эта мысль всячески вдабливалась в головы крестьян, внедрялась в их сердца, как какая-то радужная мечта — «синяя птица», и теперь В.И. Гурко («Что есть и чего нет в мемуарах Витте». Журнал Летопись. 1922.) и другие авторитеты нашего землеустроительного дела могут сколько угодно, оперируя чисто научными цифровыми выкладками, доказывать отсутствие оснований и невыгодность раздела частновладельческих имений, им не победить ни логикой, ни цифрами, не победить умом там, где замешалось чувство, не признающее ни цифр, ни логических доводов. Ведь своевременной контрпропаганды по вопросу о национализации или социализации земель В.И. Гурко не устраивал.

Итак, к 1905 году, я, не считаясь, повторяю с психологическими условиями, был ярким сторонником самодержавия, ибо в этом убеждении укреплял меня мой ум. Но кроме того и постоянное оскорбление во мне моего национального чувства выпадами пораженцев, считавших, что за какую-то четыреххвостку можно платить сотнями тысяч жизней русских офицеров и солдат, не могло не настраивать меня крайне враждебно к революционному движению этого времени.

Колебания и уступчивость Царя, когда смерть Плеве была использована, как подходящий момент для делания «весны» новым министром внутренних дел Мирским, издание различных Высочайших актов, взаимно противоречивших друг другу, наконец, совершенно неожиданное появление конституционного манифеста 17 октября — все это впервые враждебно настраивало меня к тому, к которому я относился некогда с полной верой и обожанием, не позволяя себе учитывать его мелкие ошибки и слабости.

Не помню, 17 или 18 октября утром я был у Г.В. Глинки с В.В. Иванецким и некоторыми другими знакомыми; последнему обещали срочно прислать из редакции Правительственного Вестника отпечатанный манифест; точное содержание его еще не было известно; говорилось только, что ожидается объявление конституции. Наконец, появился курьер с узким свежееотпечатанным листком бумаги, в котором заключались судьбы России. Объявлялось, помимо всяких свобод, что ни один новый закон не будет иметь силы без предварительного одобрения Государственной Думой или Советом, т. е. давалось именно то, что составляет суть всякой конституции, ограничивающей власть монарха; почему нашей прессе и различным оппозиционным профессорами требовалось продолжать свои утверждения, что в России нет конституции, об этом не стоит здесь говорить. Я понял, что неограниченной, самодержавной власти, хотя

термин этот и остался в наших основных законах, но уже в ином смысле, более в России Л. 207 нет. Было подано вино, и я впервые в жизни отказался принять участие в тосте за Царя, предложенном Г.В. Глинкой; все присутствующие были естественно сильно взволнованы. Дома не сиделось, на службе не работалось, тянуло на улицы посмотреть, как отразился манифест на настроении масс, принимавших тогда большое участие в различного рода забастовках. Я провел, с небольшими перерывами для сна, около двух суток вне дома, преимущественно на Невском. При моем отвращении к толпе это было для меня большим подвигом, тем более, что кроме самого искреннего отвращения, при моих взглядах и настроениях, я ничего не мог получить от «конституционных ликований».

По Невскому день и ночь ходили толпы, разделяемые политической враждой или соединяемые симпатией. То появлялась толпа с национальным флагом, на котором была надпись: «да здравствует свобода и Царь», то с красным, то с зеленым, то с бело-синим и т. п. Некоторые флаги, некоторые моменты продвижения толп по широкой длинной линии Невского были, сами по себе, красивы, но не умолкающий какой-то дикий, грубый крик, с звериными завываниями наиболее исступленных участников процессии, крик, который не умолкал потом в собственной голове даже во время сна, но пошлые побоища одной толпы с другой, при встрече враждебных флагов с раздиранием до крови физиономий и истреблением флагов, но пролетавшие на извозчиках в стоячем положении какие-то лохматые студенты преимущественно кавказской наружности, сиплыми звериными голосами кричавшие: «ночью, товарищи, на тюрьмы» и другие лозунги и проч., и проч., все это было до гнусности гадко, унижительно для человеческого достоинства и культуры. Запечатлелись в памяти на всю жизнь некоторые образы: с разбитым, истекающим кровью, носом какая-то пьяноватая проститутка, со шляпой на затылке, патетически кричала: «помогите, кровь свою проливающей за свободу». Затем пристав, проезжавший в пролетке мимо Казанского Собора; усы, как у кота, вокруг глаз добродушные морщинки, посмотрел в сторону собора, хотел перекреститься, вдруг взгляд его упал на орущего что-то с возвышения у собора студента без шапки с южной копной курчавых грязных волос; у ног студента, разинув набожно рот, какая-то старушка, типичная церковная принадлежность, вероятно, нищенка; пристав Л. 208 долго смотрел на эту группу и потом отвернулся в сторону с таким выражением, как будто увидел какую-то невероятную нечисть, в роде самого черта что ли. Наконец, поздним вечером на Васильевском острове, возле университета — громадная толпа, сходка студентов; какой-то сиплый голос кричит, что Черноморский флот обстреливает Крым и Одессу, как будто это так было бы радостно для обстреливаемых городов; я стараюсь на извозчике пробраться мимо университета по набережной; обычное место городского занято каким-то студентом; жестом типичного провинциального окологородного, грубым голосом он останавливает извозчика: «сворачивай, здесь проезда нет»; извозчик ворчит: «вот те на, новая полиция!» и мы возвращаемся к Дворцовому мосту. В том же роде пошлые сцены разыгрываются и в день

открытия первой Государственной Думы. Все это создает и укрепляет во мне настроение ненависти в этом учреждении. В нем начинаются бесконечные речи, дела останавливаются. То, что дорого, возбуждает живой интерес в деловой среде, очень мелко для представителей «народного гнева». Самые разумные меры, только потому, что они исходят от Правительства, тормозятся. Один член оппозиции договаривается до того, что по поводу прекрасной прогрессивной декларации Министра народного просвещения Кауфмана-Туркестанского заявляет в персе: «будь эта речь сказана в европейском парламенте, ее приветствовали бы аплодисментами». Но у нас надо критиковать во имя оппозиции. Всякое мелкое дело, например, о срочном кредите на университетскую оранжерею признается «вермишелью», которой Правительство умышленно заваливает Думу, как будто бы государственную, хотя бы и мелкую работу можно остановить, как будто бы сама Дума не начала бы метать гром и молнии, если бы в каждом мелком, для нее не интересном, случае нарушалась конституция, и кредиты отпускались в порядке управления. Получается впечатление, что одна цель оппозиции — это добиться министерских портфелей, а разные текущие государственные нужды — на втором плане. Ничего, абсолютно ничего, ни первая, ни вторая Дума не делают для того, чтобы планомерным, мирным так сказать походом на Правительство показать, что они в своей среде имеют людей, которые и по работоспособности, и по знаниям выше стоят чинов Правительства, ничего не делают такого, что воотчию показало бы безусловную деловую необходимость Думы. Это пустословие и отсутствие практических Л. 209 способностей уметь завоевать себе деловое положение со стороны первых двух Дум явилось роковым для последующих взаимоотношений между таким чистым душой человеком, как царь Николай II, и нашими новыми законодательными учреждениями. Лидеры оппозиционных партий (я не говорю, конечно, про утопистов — для них закон не писан) не умели понять простейшие вещи, что Царь — это могучая сила, которую им важнее привлечь на свою сторону, переделать его, так сказать, психологически, чем считаться рабски с каждым словом нашей дешево-либеральной прессы; эти лидеры не умели завоевать для себя, т. е. для своих партий, влиятельного делового положения, признания их независимости, а этого достигнуть было легко при таком Царе, который всей душой искал только правды и добра своему народу, особенно крестьянам. Впрочем, остается еще открытым вопросом, способны ли были вообще «лидеры» к чему-либо другому, к какому-либо творчеству, кроме словопрения.

Царь не мог не отойти душой от Думы, потому что он видел в них мелкую, с его точки зрения, борьбу честолюбий, самолюбий, притом чуждую толще русского народа — крестьянству.

Я лично, оскорбленный в моих патриотическо-национальных чувствах, в такой мере озлобился на Думу, что объявил моей тетке, сдававшей в ее большой квартире на Таврической улице две комнаты, о намерении моем переселиться от нее в случае сдачи ею квартиры «кадету» или, тем более, кому либо из социалистов Думы. Наша квартира по близости ее к Государ-

ственной Думе очень привлекала именно провинциальных ее членов. Наиматели комнат чрезвычайно изумлялись, когда моя тетка добросовестно опрашивала их еще до осмотра квартиры в прихожей о политических их взглядах и объявляла, что вот мол у нее есть такой-то и такой-то племянник. Надул меня и ее, конечно, еврей, который заявил, что он только прошел в Думу под флагом кадетской партии, за неимением в их городишке другой партии, а фактически по своим убеждениям он почти правый. Потом я мог убедиться из думских отчетов, что он ревностный член своей партии, но, как квартирант, он был человек приятный, и я, конечно, не мог настаивать на его выселении.

Здесь я должен с полной откровенностью отметить то, что с первого взгляда может показаться странно-противоречащим всему мною только что рассказанному: я с первых же дней новой политической жизни в России, желая ориентироваться партийно, почти всецело примкнул, оставаясь принципиально сторонником самодержавия, к программе именно партии народной свободы; от октябристов меня отвращало главным образом то отрицательное их отношение к вопросу об автономии Польши и «психологическое» непонимание земельного вопроса. Программу кадетской партии я считал и считаю наиболее для описываемого мною времени государственной, но вредные, неумная тактика ее и чисто персональные особенности возбуждали во мне вражду к данному составу лидеров этой партии. При мечтах моих о «самодержавном» проведении реформы, я рисовал себе большинство их именно такими, как они намечались в «кадетской» программе: свобода Польши, принудительное отчуждение части помещичьих земель, вообще подчинение частных интересов, а часто просто привычек и симпатий государственным, хотя бы и по чисто психологическим основаниям, равноправие евреев — все это составляло мое политическое «credo», частью по доводам ума, частью по доводам сердца, считавшегося с психологией общественных явлений и течений. Я не сомневался и не сомневаюсь, что подобно тому, как самодержавие провело такую величайшую реформу, как освобождение крестьян, так проводились бы сверху, а не снизу, естественно дополняя эту реформу меры; медленно, но прочно, без ненужных жертв. Моя ошибка заключалась в том, что и само самодержавие психологически было тогда уже трудно отстаивать.

Сказанное мною о моем «credo» я считаю очень характерным в отношении выявления отношения правящих сфер к Государственным Думам первых двух созывов; как много и умно надо было бы сделать, чтобы завоевать доверие со стороны тех сил, которые не имели никаких объективных оснований им доверять, раз возможны были такие единомышленники их, как я, которые их искренно ненавидели.

В нашем ведомстве, как и в других, начались частые смены их главных начальников — министров. Иваницкий еще до ухода князя Хилкова был назначен товарищем министра, но, кажется, уже не считал себя прочным и предвидел назначением в Сенат. Начальником Управления, вместо Иваницкого, был назначен инженер, пользовавшийся большим авторитетом в гидротехническом мире, Н.И. Максимович, замененный через несколько

лет вновь не инженером князем Шаховским. Курьезно, что Максимович специалист-техник, а не чиновник, бывший начальник округа, а не министерский служащий, с первых же своих шагов стал уделять много внимания канцелярскому формализму, чего не было совершенно в его столичном предшественнике. Меня он удивил сразу же тем, что лично пришел в мою комнату редактировать пустейшее пригласительное письмо к одному промышленнику. Мне потом часто приходилось наблюдать, что максимум внешнего канцеляризма разводили не те, кого принято было упрекать в этом, а именно провинциалы, в особенности из состава земских и, так называемых, общественных деятелей, вплоть до членов Временного Правительства, наследники коего — большевики перешли в этом отношении всякие пределы и возможности, сведя всю почти текущую правительственную работу к бумагам и воззваниям.

В Управлении становилось скучно работать; меня ожидало назначение на должность делопроизводителя, т. е. начальника отделения в Эксплуатационном Отделе; когда открылась соответственная вакансия, я отказался от назначения. По этому поводу Туган-Барановский сказал мне: «но таким образом для вас закроется дальнейшее движение по службе у нас». Сказано это было другим тоном и по другим основаниям, чем предупреждение Савича в Земском Отделе, но я понял, что, действительно, надо подумать о другом деле; тянуло меня, конечно, к сельским ведомствам. Переговорив с Г.В. Глинкой, я получил принципиальное согласие его на принятие меня в Переселенческое Управление и ожидал вакансии, надеясь, естественно, на заблаговременное предупреждение меня, дабы я в свою очередь мог, как того требовала служебная вежливость, предупредить свое начальство. Вдруг, в один прекрасный день меня приглашают к товарищу министра, у которого сидит Начальник нашего Управления Максимович, и я при нем выслушиваю ряд упреков в неблагодарности и узнаю, что мое назначение в Переселенческое Управление состоялось. Б.Е. Иваницкий, упрекая меня в неожиданном переходе в ведомство землеустройства, что он в результате нашего разговора признал вполне естественным для меня, не предполагал тогда, что через несколько месяцев мы с ним встретимся вновь и в этом ведомстве.